„Вечерний Ленинград" 1982, 6 июля

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ПРИНЦ ГАМЛЕТ И СТАРШИНА ФЕДОТ ВАСКОВ

«ГАМЛЕТ» и «А зори здесь тихие...» — последние премьеры Театра на Таганке. Датский принц и русский солдат — такие близкие и такие далекие друг другу...

«ПРОСНИСЬ, МОЙ МОЗГ!»

Пронзительно вскрикнул и яростно захлопал крыльями петух. И сразу на авансцене возникли два человека. Угрюмо глянув в зал и поплевав на ладони, подняли свои заступы. Первые комья земли легли по краям могилы. И тревога окутала пространство. Из его глубины вдруг рванется и залу ударит в черном движении. В руках зажата гитара. И грянут размашисто струны, сливаясь с хриплым надрывом песни, похожей на стон.

Взрывы и спазмы чувств движут действие «Гамлета» в постановке Ю. Любимова и оформлении Д. Боровского. В вашу память врежутся простые порывы Гамлета — В. Высоцкого со слезами в глазах, с кровью в словах и мыслях. И минуты его оцепенения, страстной отрешенности от всего... Парадные выходы королевской четы под ухающий скрежет марша, исполняемого будто бы на заржавленных инструментах. Дежурная улыбка сползает с лица Клавдия — В. Смехова, и за нею — напряженная злоба, в торопливой деловитости приказаний сквозит страх. Тенью суетится за ним вкрадчивый хитрец в очках Полоний — Л. Штейнрайх. Чаще, чем Гамлета, терзает их вопрос «быть или не быть?..» И равнодушное копошение могильщиков, роющих очередную могилу. Среди всех только они и ощущают себя в безопасности... И неумолимое, иному не подминаемое движение огромного занавеса-судьбы, всех толкающего к роковому могильному краю.

Это «Гамлет» — сегодняшний. Его прописку не спутаешь. Спектакль верен завету Шекспира, что выражен гамлетовской репликой: «Назначение театра... показывать каждому веку истории его неприкрашенный облик». На истолкования трагедии лежит печать мироощущения современного художника — его раздумья, сомнения, скептицизм и вера, его попытки достичь истины. Порой начинает казаться, что не актер играет Гамлета, а датский принц перевоплощается в Высоцкого — актера, поэта, менестреля. И Гамлету его роль удается как будто лучше...

Для Гамлета — Высоцкого действительно «законом стало сердце». Оно первым принимает удары судьбы. И потому изранено, кровоточит. «О сердце!» — восклицает принц и прижимает ладонь к груди, стараясь унять приступ боли.

Режиссер куревном выделяет гамлетовские реплики: «быть или не быть?», «век вывихнут», «какое чудо природы человек... венец творенья... квинтэссенция праха». Их актер повторяет дважды: сначала с пафосом, потом с досадой, сарказмом, бичующей издевкой. И становится явственным, как рвется пополам его душа. Сознание Гамлета — Высоцкого изнемогает между молотом веры и наковальней отчаяния, он мечется от надежды к проклятиям и тоске. Порой он напоминает бродячего менестреля или проповедника — усталого и нервного, разбитого горем и взвинченного. И столько тщеты и беспомощности в кружении его фигуры, во взмахах прутика, которым он яростно стегает пространство.

Совесть подхлестывает Гамлета, но энергия его быстро иссякает. Ему недостает целеустремленности, быть может, потому, что необъятна цель да и путь к ней неотчетливы... У Гамлета — Высоцкого становятся ощутимыми сомнения не только в том, как выполнить свой долг, но и в том, что же нужно делать. «Проснись, мой мозг!» — кричит он и исступленно бьется головой о стену упругой завесы, но лишь виснет в ней. Глохнет порыв, и тело устало конвульсирует, словно муха в паутине. И нет ответа. Но неспроста, конечно, свои вопросы герой бросает в эту серую пелену. Чтоб вправить «вывихнутый век», нужно заручиться силой, растворенной в таинственном занавесе-судьбе. Весь ход спектакля неопровержимо доказывает это.

Громада занавеса — не элемент декорации, а действующее лицо трагедии. Это и овеществленная история, символ неодолимости ее движения, материализованное время, субстанция жизни. Когда-то над входом в шекспировский театр «Глобус» висела вывеска «Весь мир лицедействует». Занавес любимовского «Гамлета» вполне подошел бы к портрету всемирно-исторической сцены. Он живет особой жизнью, повинуется своим законам, разгадать которые не удается персонажам спектакля. Он лукавит и дразнит. Повинуется то руке Гамлета, то приносновениям Клавдия или злой ярости Лаэрта. Чтобы через минуту, круто развернувшись, смести и опрокинуть каждого из них. Его податливость обманчива. В его «трон» садится король, облокотившись на простертые сквозь ткань мечи. Словно гигантские пауки, нацеленные на жертву, трепещут в его складках Полоний и Клавдий. Но через короткие мгновения занавес-оборотень словно лезвие гильотины перережет горло Полония, будто мощным взмахом крыла кинет короля на острие подставленной рапиры, саваном обовьет беззащитную фигурку Офелии. Не потому ли он обрекает героев на гибель, что на него стремится сделать лишь соучастника в политиканстве? Не здесь ли разгадка тщетности усилий обитателей Эльсинора?

«Век вывихнут» — про это знают все. На сцене раскрыта его шаткость и непрочность. Смутное время — здесь свои самозванцы, предатели, трусы, наушники, узурпаторы и насильники. В прологе занавес предостерегающе сдвигал в сторону героев трагедии. В финале, совершив свою опустошительную работу, он торжествующе движется по освобожденному пространству. Под нарастающие грозные звуки мужского хора а капелла, напоминающие богатырский зачин народной былины.

Но кто вершит срок жизни героев? И Клавдий гибнет не ранее, чем уготовано ему судьбой. Не, Гамлет пронзает его оружием, а занавес, в котором трепещет разоблаченный тиран, опрокидывает его на рапиру мстителя. Все гибнут. Не гибнет только «вывихнутый век». Открыл ли Гамлет его тайну? «Ах, если б время я имел» — последние слова умирающего принца. В агонии он сползает, цепляясь за стену в том же самом месте, откуда начал свое движение в начале спектакля. Круг жизни завершен. Что совершил герой? Он исполнил личный долг. Что успел бы принц, если бы подарить ему время, о котором он просит? Остался бы человеком. Все также увлекал бы пафосом высоких чувств, жаждой справедливости. Но путь его — личная дорога, удел одинокого. Она сошлась на перепутье с дорогой истории, олицетворенной занавесом, взвихрилась и разбилась, бросив героя в могилу.

Гамлету—Высоцкому не удалось прорваться к стремнине века, диалог с историей не состоялся. Душа и воля героя — в жерновах противоречия между поиском абсолютных истин и релятивизмом, двойственностью, характерной для эпохи. Нет, для Гамлета она олицетворяет гибель, а не лоно жизни.

Гамлет—Высоцкий сознает возможную тщетность своей борьбы. И все же не сломлен — в этом привлекательность его характера. Но страстный поэт и проповедник не становится пророком. В поисках выхода он держит совет с личной совестью, но не с историей, ответа которой не дождался. Его активность не подразумевает конкретно-исторической и государственной перспективы. Путь мятежного принца, начавшись от белой стены с огромным перекрестьем, где ряды приклоненных мечей и висят боевые рукавицы, в нее в итоге и упрется. Повторил бы герой его сызнова?

НЕ ЛЮДИ ГИБНУТ, А МИРЫ...

«А зори здесь тихие...» по повести Б. Васильева воскрешают страницу войны. Спектакль Ю. Любимова и художника Д. Боровского лаконичен. В нем до предела скупы (и достоверны!) приметы военного быта. Главное — мир чувствований людей, которым выпала драматическая судьба.

Здесь много контрастов, театр сгущает их. Почти комедийный зачин и безмерная скорбь финала, юмор и опасность, мир и война... На неблизком к фронту разъезде-курортеи старшина Васков назначен командовать полувзводом девушек-зенитчиц. Первая половина спектакля — будни батареи. Не часто тишину прерывает стрельба по пролетающим «мессерам». В череде эпизодов театр приоткрывает характеры — слушат здесь самые что ни на есть обыкновенные девчонки с разных концов России. Всем знакомые — озорные и грустные, смешливые и задумчивые.

А старшина Васков (артист В. Шаповалов) может показаться и вовсе заурядным. Неповоротлив, недогадлив. Комично теряется под лукавыми девичьими взглядами: Не сразу актер дает заметить, что в общем-то герой его добр, отзывчив, скромен. Ему незнакомы громкие слова, он, быть может, мало что прочел, кроме устава. Но не по уставу привязан к родной земле, его патриотизм — нечто исконное, органическое.

Весть о диверсантах, которых надо перехватить, круто меняет ход событий. С Васковым в лес отправляются пятеро. И начинается их путь в подвиг. Вереница тихих будней сменилась чередой смертей. Театр показывает, как гибнут одна за другой девчонки-бойцы, взятые в поисковую группу. Лирически задумчивая, с нежностью вознесшего к Васкову чувства Лиза Бричкина (артистка М. Полицеймако), мечтательная и серьезная Соня Гурвич (артистка Н. Сайко), задорная, смелая Женя Комелькова (артистка Н. Шацкая), собранная, подтянутая Рита Осянина (артистка В. Славина), Галя Четвертак (артистка Т. Жукова). Только что произносила стихи Блока Соня — Н. Сайко. А вот уже взаправдашний, не книжный «кровавый отсвет дней войны» лег на девичьи лица. Вчера еще кто-то из них мог распланаться из-за прищемленного пальца. Как оказалось, вчера они вообще мало что умели — ни портянки накрутить, ни костер без дыма развести.

«На все есть приказ и распоряжение», — совсем недавно Васков надоедливо твердил подопечным, заботясь о порядке на батарее. Но пять девчонок его отряда гибли без приказа — кто от пули, кто от ножа. И вот Васков остается один. Вся тяжесть неравного боя навалилась на него. С какой-то невыразимой мукой и отчаянной решимостью, резко мотнув опущенной головой, произносит он потаенную и самую сильную сейчас мысль: «За моей спиной Россия, я один у нее заступничек». И в полном страшного гнева порыве Васков — Шаповалов довершает чудо разгрома численно превосходящего, до зубов вооруженного врага. Волей случая он остается жив. Но как горька победа, как дорога ее цена! В ярости боли и горя, матерясь и рыдая, старшина отдает команды плененным врагам. Истовость и глубокая правда чувств исполнителя, проникновение в народную суть характера делают его героя лицом эпическим. Сколько таких вот русских мужиков держало тогда, в 1942 году, нелегкую оборону на линии фронта.

В чем истоки той невероятной силы сопротивления, которое враг встретил на нашей земле? В одной из тогдашних статей А. Толстой писал: «В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годины легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек — так себе, потребовалось от него быть героем — герой». Так смертельная опасность преобразила Васкова — Шаповалова. Суетливость, бесстрашие, надежность, энергия и воля — все это, оказывается, подспудно дремало под обличьем простоватого мужичка, неприметно копилось до поры — для часа подвига.

Сгущая драматизм, театр неотступно сближает два сценических плана: настоящее и минувшее, подвиг и будни, смерть и жизнь. Мирный быт, поэзия человеческого естества вплотную придвинуты к опасности и гибели. С пронзительной девичьей надеждой звучал ломкий голосок Лизы Бричкиной: «Лиза, Лиза, Лизавета...» Но вот уже прорезал тишину предметный крик. Беспомощно взметнутся и исчезнут в болотной пучине ее белые ладошки. И все чаще трагический звук оборванной струны с чуть слышным балалаечным отзвуком. Предвещая смерть, взрывается простый музыкальный аккорд, и тоскливый вопль доносится из лесной чащобы.

После каждой смерти — будто отпевание — короткие видения прошлого: предвоенные встречи, мечты. Они напоминают, как много гибнет с каждым человеком — «такой закон безжалостной игры, не люди умирают, а миры».

Трагедийная кульминация достигнута в песне о растущей в бору сосеночке, о девчонке, что понравилась парню. Словно в предутренней мгле мелькнут застывшие у лесных стволов фигуры погибших девушек. У тех стволов, где наскоро оставлял зарубки Васков, чтобы не потерять след могилы. Здесь острая боль невозвратности ударит вас в сердце — невозвратности молодых жизней, что сразила война. Что ушли в вечность, все отдав в суровой борьбе. Чьи зори не были тихими — они были в дыму и крови, в громыхании выстрелов.

В финале слышны знакомые мелодии: два вальса — солдатский и предвоенный, в исполнении Утесова — прощально прикоснутся друг к другу. Зыбкий, приглушенный свет обнаружит роковую пустоту пространства. Подхваченные вальсовым ритмом начнут кружиться щиты-деревья. И душу еще раз пронзит страшное безлюдье сцены. По ней тенью пройдет Васков — бессильный сдержать рыдания. Это сдавленное мужское рыдание как бы собрало общую нашу скорбь о бесчисленных жертвах, о тех, кто тогда спиной своей ощущал Россию, кто дрался до последнего патрона.

Свет пяти факелов в финале спектакля — символ бессмертия душ его героев. Сегодня у многих могил горит пламя. В нем чистота, святость, мужество павших. Вечный огонь памяти. Об этом спектакле не поворачивается язык сказать: так-то поставлен, сыгран. Силой настоящего искусства он проник в ваше сердце, оставив в нем прочный след.

ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

«Зори» и «Гамлет» — два русла сегодняшних поисков театра. Они близки, но и различны: «Гамлет» собирает итоги прожитого, в нем театр прощается со своей юностью. «Зори» через историю приоткрывают перспективы будущего.

«Гамлет» — спектакль для театра рубежный. Он как бы вобрал в себя многие мотивы из пройденного. Здесь есть свои живые и павшие, отзвуки пугачевского бунта и час пик, есть антимиры и тартюфы, события, потрясшие мир, и еще раз завершает свой круг добрый человек — только уже из Эльсинора. Своими «повторами» «Гамлет» подводит черту вчерашнему.

Куда направится театр с перекрестка двух этапных для него спектаклей? Театр — искусство современное. И чутность и главным, хотя и не всегда сразу различимым, тенденциям эпохи решит судьбу коллектива. Вспоминается богатырское крещендо финального хора в «Гамлете» — не здесь ли проявчивают контуры предстоящих постановок, новый горизонт? Тот, что уже засветился в «Зорях». Этот свет найдет опору в произведениях В. Белова, Ф. Абрамова, Б. Можаева, В. Быкова и других авторов, которых, по словам Ю. Любимова, он мечтает сценически протворить.

Спектакли Театра на Таганке захватывают, заставляют думать и волноваться о том, о чем не могут не думать современники. Самобытное, яркое искусство и жизнь с ее драматическими вопросами сходятся на подмостках. В этом его увлекательность и сила.

М. ЛЮБОМУДРОВ